Комментарий
24 ноября 2025

Мирный план Трампа: война вступает в завершающий этап

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Мирный план Трампа для окончания российско-украинской войны во многих уголках планеты вызвал шок и скепсис. Однако впервые с февраля 2022 года появляются базовые условия, способствующие именно переговорному процессу, а не всеобщей ставке на поле боя. На этом основании можно сделать вывод, что война вступает в завершающий этап.

Содержание

1 28 пунктов Трампа
2 Параллели со Стамбулом
3 Мирный план из Анкориджа?
4 Ситуация качественно меняется

Информация о том, что США подготовили новый план для урегулирования украинского конфликта, стала настоящей информационной бомбой глобального масштаба. Эффект разорвавшейся бомбы она произвела и в политических кругах многих стран, в том числе самой Украине и ЕС. По крайней мере, многие официальные лица в этих странах негодуют из-за того, что с ними содержание плана никто заранее не обсуждал и даже не ставил в известность по поводу ведущейся подготовительной работы (что не соответствует действительности). Да и российская сторона заявляет, что официально пункты американского плана с ней пока не обсуждали, хотя передали текст по спецканалам.

28 пунктов Трампа

Несмотря на многочисленные публикации 28 пунктов представленного администрацией Дональда Трампа плана в прессе, доподлинно его содержание остается неизвестным и официально не подтверждено. Хотя по многим признакам, в том числе комментариям руководства Украины и России, можно

судить, что просочившийся в публичное пространство список действительно близок к оригиналу. Тем не менее будем исходить из того, что какие-то различия между медийной версией плана и реальной все же могут быть.

> К тому же, на этом этапе любые высказываемые или даже прописанные на бумаге идеи стоит рассматривать как рамочные проекты для дальнейших переговоров, а не как окончательные формулировки предлагаемого пакета договоренностей.

Вот и сами американские переговорщики подчеркивают, что воспринимают проект 28 пунктов как «живой документ», который может меняться в ходе дипломатической проработки. По некоторым сведениям, ряд правок в него уже внесли после предварительных реакций со стороны собеседников Вашингтона.

В любом случае не будем сейчас подробно перечислять все пункты появившегося в СМИ проекта документа, а обратим внимание на некоторые важные фоновые обстоятельства.

Параллели со Стамбулом

В 28 пунктах Трампа несложно проследить параллели с самым первым вариантом проекта мирного соглашения, который обсуждался еще в начале войны: в ходе трех встреч в Беларуси и затем в Стамбуле. По утверждениям российской стороны, по итогам переговоров в Стамбуле 29 марта 2022 года договор даже был парафирован руководителями делегаций двух стран. Киев же настаивает, что ни с чем тогда по-настоящему не соглашался, а лишь использовал переговоры для затягивания времени с целью улучшить свои позиции на поле боя.

В любом случае содержательно появившийся сейчас мирный план Трампа во многом похож на стамбульский проект договора. И он уж точно кардинально отличается от альтернативных идей, которые предлагались Украиной и ее сторонниками и которые поддерживала администрация Джозефа Байдена. Например, от формулы мира Владимира Зеленского, предполагавшей фактически капитуляцию России.

На этом основании сейчас звучит много голосов о том, что предложения Вашингтона сводятся уже к капитуляции Киева. Действительно, большая часть 28 пунктов не соответствует запросной позиции Украины от слова совсем и во многом органична требованиям России. При этом с учетом предусматриваемых

планом Трампа территориальных уступок со стороны Киева обсуждаемые сейчас предложения выглядят даже более жесткими, чем стамбульский вариант. Что, пожалуй, вряд ли может удивлять, учитывая изменения и динамику на поле боя.

Однако есть в пунктах Трампа и ряд положений, которые более благоприятны для Киева. Например, в отношении предлагаемого размера вооруженных сил Украины, которые должны остаться после подписания мирного договора. Сейчас в американском проекте речь идет о 600 тыс. человек, а в Стамбуле Киев настаивал на 250 тыс., а Москва – и вовсе на 85 тыс. военнослужащих.

Но самое главное отличие касается гарантий безопасности. Если США действительно готовы предоставить Украине гарантии, которые аналогичны статье 5 НАТО (при всей абстрактности этой статьи, о чем мы писали ранее), то это может стать серьезной позитивной зацепкой для украинского руководства. Пусть даже речь и идет о 10-летнем периоде таких гарантий, и непонятно, каким образом на это предложение реагирует Москва. Но в политическом смысле – то есть для того, чтобы власти Украины имели аргумент в поддержку будущего соглашения перед собственным обществом, – это может быть интересно. Как и перспективы вступления в ЕС, пусть они (как мы также писали ранее) и являются, мягко говоря, абстрактными и риторическими.

Мирный план из Анкориджа?

Несмотря на удивленно-возмущенные реакции многих европейских столиц на якобы совсем внезапно появившийся план мира, очевидно, что его основные пункты так или иначе уже давно обсуждались. Как минимум, с середины лета. Особенно до и после американо-российского саммита на Аляске 15 августа.

По итогам саммита на Аляске не было сделано никаких содержательных комментариев. Ни в рамках заявлений двух президентов для прессы, ни позже. Поэтому в информационном пространстве не зафиксировалось понимание того, что именно Путин и Трамп обсуждали за закрытыми дверями. А уже через несколько дней после саммита в Анкоридже медийная повестка перефокусировалась на попытки Киева и европейских столиц убедить Дональда Трампа не верить обещаниям Москвы и не давить на Украину, пока Россия не согласится на безоговорочное прекращение огня. Такие условия российское руководство по понятным причинам принять не могло (и не может сейчас). Но в Вашингтоне тогда решили все же попробовать принудить Москву к большей сговорчивости с помощью новых санкций.

В результате тема того, что именно обсуждалось в Анкоридже и почему Дональд Трамп тогда оптимистично оценивал перспективы дипломатического процесса, вообще исчезла из медийного пространства. Как будто ничего, кроме протокольного пафоса и общеполитических дискуссий, на Аляске и не было. Но это не так.

> Судя по всему, каркас просочившегося сейчас в СМИ плана из 28 пунктов обсуждался уже до саммита на Аляске. А в ходе личной встречи с американским коллегой Владимир Путин подтвердил готовность Москвы работать с США для его реализации.

На это указывали некоторые ремарки, которые российские и американские официальные лица время от времени делали в последние месяцы. А теперь об этом напрямую заявил и сам президент России.

Такая преемственность с саммитом на Аляске лишь утверждает многих комментаторов во мнении, что и новая попытка администрации Трампа продавить начало содержательных переговоров обречена на провал. Что, как и летом, план во всех его аспектах элементарно неприемлем ни для Киева, ни для европейских столиц. И что поэтому уже в ближайшие дни стоит ожидать очередной «смены пластинки» от Вашингтона в сторону нового давления на Москву.

Украина и многие государства ЕС и вправду не скрывают своего крайне негативного отношения к американским 28 пунктам. Владимир Зеленский записал специальное обращение к нации, где подчеркнул суть дилеммы для Киева: «либо потеря достоинства, либо потеря ключевого партнера». Здесь, как говорится, комментарии излишни. Но при этом и президент Украины, и его европейские союзники не могут просто отвергнуть эти предложения США. Наоборот, они всячески подчеркивают готовность и желание вовлекаться в переговорный процесс. И причина не только в боязни потерять «ключевого партнера» в лице США, но и во всей ситуации внутри и вокруг Украины.

Ситуация качественно меняется

С начала этого года, когда вернувшийся в Белый дом Дональд Трамп стал активно искать способы завершить боевые действия в Украине, мы стали свидетелями множества заявлений, действий и событий, которые в моменте могли показаться переломными. Однако все они в итоге «тонули» в непреодолимой логике войны. При этом нельзя сказать, что предыдущие попытки Вашингтона усадить Москву и Киев за стол переговоров и в целом американская политика на этом и смежных

направлениях не имели вообще никакого эффекта. Все же некоторые вводные в палитре всего конфликта менялись уже с первых шагов администрации Трампа. Вместе с ними изменялась и международная атмосфера вокруг войны: то в сторону, способствующую переговорному процессу, то, наоборот, в сторону большей эскалации.

Более того, изначально было понятно, что генеральная линия нового американского правительства (при всех различиях и даже противоречиях между его частями) будет вписывать украинский конфликт в общую картину стратегических интересов и потребностей Вашингтона. А там – абсолютный приоритет конкуренции с Китаем и обусловленная им важность не втягиваться еще больше в российско-украинский конфликт и поддерживать хотя бы базовый уровень конструктивных отношений с Москвой. Эти стратегические расклады, очевидно, требовали от США реальных усилий, чтобы повлиять на динамику войны в Украине в сторону ее снижения и, по возможности, прекращения боевых действий.

Тем не менее, амплитудные качели в американо-российском диалоге и аналогичная смена ветров в разговоре США с Украиной и европейскими союзниками уже стали казаться рутинными. Поэтому и новый мирный план Трампа, несмотря на общий эффект разорвавшейся бомбы, многими воспринимается как всего лишь очередной всплеск медийно-дипломатической активности Вашингтона.

Однако представляется, что это не совсем так.

> Амплитуд и всплесков дипломатических усилий впереди еще может быть много. Но впервые с февраля 2022 года появляются базовые условия, способствующие именно переговорному процессу, а не всеобщей ставке на поле боя.

Традиционно предпосылки для содержательного дипломатического процесса и для достижения на его основе реальных и долгосрочных договоренностей о мире возникают в двух ситуациях. Либо когда обе стороны понимают, что военный конфликт заходит в тупик и что ни одна из них не сможет достигнуть большего на поле боя. В таком случае для обеих сторон затягивание переговоров означает лишь большие потери и изнурение, а значит – и дальнейшее ухудшение условий возвращения к мирной жизни и восстановлению.

Либо когда появляется осознание, что одна из сторон обречена на полное военно-политическое поражение. И что затягивание переговоров в таких условиях приведет лишь к большим жертвам, инфраструктурным разрушениям и более тяжелым окончательным условиям мира.

Возьмем на себя смелость утверждать, что в последние месяцы буквально на глазах начала формироваться именно вторая предпосылка.

> Все больше признаков указывает на то, что военно-политическая и экономическая модели, на которых почти уже четыре года держалась оборонная стратегия Украины, начинает давать системные сбои и рассыпаться.

Это касается и динамики на поле боя: в этом году российские войска, хотя и с огромными потерями, уже продвигаются минимум на 80% быстрее, чем в прошлом. И физического и морального состояния вооруженных сил Украины, где фиксируется рекордный уровень дезертирства. И экономического положения, так как текущая финансовая модель поддержания страны наплаву становится все менее жизнеспособной. Наконец, это касается очевидно нарастающего внутриполитического кризиса, который получил резкий и масштабный импульс из-за недавнего коррупционного скандала, реальные масштабы которого еще не до конца понятны.

Самое главное в сложившейся ситуации, что все это видят и понимают союзники Киева, в первую очередь главный из них – США.

> В силу этих новых факторов шансы на то, что дипломатический процесс действительно начнет развиваться и давать какие-то результаты, велик, как никогда.

Это не обязательно означает, что уже в самом скором времени можно ждать остановки активных боевых действий. Но это означает, что российско-украинская война вступает в завершающую стадию. Она может продлиться еще достаточно долгое время, может принести еще огромное количество жертв. Однако изменить ее дальнейшую траекторию уже очень проблематично. Единственное, что может вывести ее из финальной колеи, это географическое расширение боевых действий на уровень Россия-НАТО. Но в таком случае это во всех смыслах будет уже не российско-украинская война.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»